

Оглавление

...И МЕЖДУ НИМИ ПРОИСХОДИТ СЛЕДУЮЩИЙ РАЗГОВОР	4
22.04	4
DADDY ISSUES	4
FUCK, MARRY, KILL	4
IN НОС SIGNO VINCES	5
MEMORIES	5
АГНЕЦ	5
АФРИКАНСКАЯ АСПРОБЕЛИЯ	5
БЕЗ НАЧАЛА	6
БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ ЧЕТВЕРТОГО РОДА	6
БОГОСКОП	7
БУДЬ БЕДОЙ	7
ВЕЧНОЕ ПЛАВАНИЕ	7
ВОТ ТАКИЕ ПОМИДОРЫ	8
ВСЁ, К ЧЕМУ ТЫ ПРИКОСНЁШЬСЯ...	8
ВЫБОР	8
ДЕВУШКА-БЕДА	9
ДЕРЖИТЕ КРЕПЧЕ	9
ДЛЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ	9
ДОБРОЕ УТРО, КОСМОС!	10
ЖЕЛАННЫЙ ПОДАРОК	10
ЗИМА БУДЕТ ЖАРКОЙ	10
И ОПА	11
ИМЯ, КОТОРОЕ НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ	11
КОНФЕРЕНЦИЯ МЕРТВЕЦОВ	12
КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ	12
ЛУЧШАЯ	12
ЛЮБОВЬ	12
МИД ДЕНТРО	13
МОЙ	13
НЕ ЧЕЛОВЕК	13
НОЧЬЮ У ПРУДА	13
О ПОЛЬЗЕ УТИЛИЗАТОРОВ	14
ОБРЫВОК РАБОЧЕГО ДНЯ	14
ОН, ПЁС И КОШКА	14
ОТДАЙ МОЁ	15
ПЕРВЫЙ КОНТАКТ	15
ПЕРЕД РАССВЕТОМ	15
ПРИБЫТИЕ	15
ПРИЗ	16
ПРОДАВЦЫ СВЕТА	16
РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ	16
САМАЯ ТРУДНАЯ ЗИМА	17
СВИСТОЧКИ	17

СЕТЬ	17
СООБЩЕНИЕ, НАБРАННОЕ НА ЭКРАНЕ РАЗРЯЖАЮЩЕГОСЯ СМАРТФОНА ЕДИНСТВЕННЫМ ОСТАВШИМСЯ ПАЛЬЦЕМ	17
СРАМНЫЙ УД	18
СЧАСТЬЕ В МЕЛОЧАХ	18
ТИХАЯ ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ	18
ТОРГ УМЕСТЕН	19
ХРОНОДИВОРТИУМ	19
ЭКСПОНАТ #1.	19
ЭСТАФЕТА	19
Я ТЕБЕ ПРИГОЖУСЬ	20

...и между ними происходит следующий разговор

Хороший человек шепчет жене ночью под одеялом, за плотно закрытыми ставнями и дверьми.

– Какое же скотское безобразие устроил наш осёл. Он меня спросил – хочу я этого или нет? Вот так взял и сломал всю нашу жизнь без всякого на то спроса и позволения народа. А мы ведь главная власть по древнезаконию. Наше благословление получить надо, прежде чем кандибобрить.

Хороший человек на улице отвечает цареславу.

– Конечно, одобряю! А как иначе? Я отчизник и вместе с народом. Только царь наш слишком жалеет клеветников, да изменников. Надо не головы рубить, а четвертовать, кожу живьем снимать, полоть худую траву со всем родом его.

Поговорили.

22.04

Белый. Серый. Чёрный. Жёлтый. Твоя новая радуга.

Белые халаты (медицинские, магазинные?). Белое безразличие в глазах. Годен. Третий сорт, но на фарш сойдёт. Серые мундиры (маренго, мокрый асфальт?). Годен. Не ерепенься, будет хуже. Чёрные кровоподтёки (фиолетовые, синие?) от учёбы и закопчённый потолок вагона. Всё остальное вокруг – жёлтое. Тебе говорят, что есть другие цвета, важные, за которые не грех и умереть. Но ты видишь только эти. Жёлтые лица мёртвых и умирающих. Жёлтая плоть под грязной, почти потерявшей цвет (красной? зелёной?) формой. Жёлтый туман, выжигающий лёгкие. Блёклое весеннее солнце над Ипром. И затем всё сначала. Белый. Серый. Чёрный. На этот раз навсегда.

Daddy issues

– Так значит, вы... – она сделала в воздухе неопределенный жест ручкой и вопросительно вскинула бровь.

– Утренняя звезда. Нечистый. Старый рог, – сухо продолжил он, опуская подбородок на ладонь правой руки, упершейся локтем в колено. Кулак левой руки рассеянно выстукивал скрипучую дробь на кожаной подушке кушетки.

– Что привело вас к такому выводу?

Встретившись с ней взглядом он на мгновение замер — в статике поза показалась ей даже более неудобной. Захотелось максимально выпрямиться, но она сдержала порыв.

– Ничто. Просто однажды доводы об обратном окончательно потеряли свою силу. Видите логику?

Немного подумав, она увидела. Остаток сессии они говорили об отце.

Fuck, Marry, Kill

Палисандровый чурбан смотрит как-то недовольно, свирепо и в то же время грустно и с недоумением. С его точки зрения всё прошло строго по сценарию, вбитому в деревянную голову. Убить дядю, жениться на девушке, и, при необходимости, ударить собачку, дабы не мешала остальным задачам.

Возможно, нужно было конкретно описать, кто именно из троих – дядя, кто девушка, а кто собачка. Дуболомам на биологические различия не-Жевунов в целом наплевать. Возможно, стоило сказать именно «ударить», чтобы не вызывать разночтений... Поздно.

Филин насмешливо ухает с насеста. Кровь капает с массивного палисандрового сучка. Урфин, Урфин, что ж ты натворил-то. Пора занимать трон, пора переписывать историю.

In Hoc Signo Vinces

Мельник проходит под каждой лестницей. Находит последнего в селе несъеденного чёрного кота и насыпает сухпай по другую сторону дороги. Не заводит наручные часы. Бьёт зеркала в хатах и бережно подбирает с пола осколки посуды. Оставляет армейский нож в плесневелой буханке и смахивает крошки со стола.

Вокруг Мельника рвутся снаряды, гибнут сослуживцы, сменяется третий взводный и пятый комбат. Боевые голуби и комары уносят сотни жизней. Ломаются судьбы, карьеры и снаряга.

Мельник – контрразведчик. В нагрудном кармашке у него карточка Uno ↔ с автографом одной любезной фрау из Конотопа и счастливая пачка Pall Mall. А скоро появится и орден от Президента... Тьху-тьху-тьху!

memories

Такая она, жизнь с Календэ.

Обведённая в кружки, заштрихованная, напоминающая о давно перегоревшем ожидании, когда только и остаётся, что вычёркивать дни – и жутко скучать. Передвигать курсор, пропуская через себя дедлайны, запланированные встречи и слова, как без них, ведь *У СЕСТРЫ ДР*, а третьего марта *ВРАЧ, в 10:00*. Не опаздывать.

Теперь, кажется, не ведут бумажные календари; да так ли страшны старые привычки, когда тело покрывают сенильные пятна? Вспоминая прежние дни, я слышу, как стучит полинялое сердце...

Мне догореть завтра. Только дождаться бы Календэ. Молодой, полный здоровья он вернётся, и тогда я скажу ему: «Здравствуй, первый день каждого следующего года без меня!»

Агнец

Стань штормом, гневом. Отринь человеческое. Откройся силе богов. Стань родником, что затопит земли врагов, огнем, что выжжет их. Тело? В перерождении тебе воздастся. Будет все – красота, сила. Веришь мне? Веришь. Тогда иди, а когда сила польется сквозь тебя, не жалея ее. Уничтожь их. Иди же, делай, как оговорено. Боги уже ждут.

Идет. Доверчивый. Кто знает, что ждет за гранью? Мне это неизвестно. А боги...боги молчат. Только делятся силой, если правильно просишь и даешь подходящий сосуд. Но тебе незачем это знать, мальчик. Твое дело мечь. Пусть враги боятся и знают – старые книги найдены. Мы тоже кое-что умеем теперь.

Африканская аспробелия

Разношёрстная зверотолпа всеафрикански праздножительствовала. Внезапно ночью припесочеплюхнулся межгалактический зоопарковоз. Утроочухавшись, кораблепилот

обнаружил одноклеточную зверопропажу альдебарановского диковинноносого: неизвестновыглядящего, но краснокнижного, дорогостоящего.

Кораблепилот, перепугавшись премиялишения, всепланетно лучесобрал носоподозрительных звероабorigенов: утконоса, носорога, долгоносика, носохвостку. Он перепроверял местожительство.

— Кря-кря, — по-межгалактически самооправдался утконос и был свободоотпущен.

Носорог хитроумно лошадкоприкинулся: игого-го-го-игого-и-и-го-го-гого-игого-гого-го-игого. Это прокатило. Кораблепилот отпустил «лошадку» (общеизвестно: они — нередкокнижные).

Долгоносик хмелепожрал, демонстрируя принадлежность местному пищевороту. Убедительно.

А вот носохвостка растерялась: туповзороммолчание.

Довольнорожий кораблепилот лучепортировал незадачливую носохвостку внутребортно на место диковинноносого, использовал кораблеремонтный пакет и огнестартовал в исчёрно-дымчато-ультрамариново-синий космос.

Так сбежавшая графоманосная обезьяна с Альдебарана осталась в Африке, а после расселилась всепланетно. И всеконкурсно. Конец.

Без начала

Бур соскрёб с подбородка полоску мха, изучил на свет. Забросил в рот, разжевал.

— Прелесть.

Нос ткнулся в стенку дупла, и Бур разъярённо выругался. Спустя сорок четыре мата нос вернулся до обыденного размера, и хоть живица не прекратила сочиться, Бур умолк. Если ругаться слишком долго, ходи потом с дыркой посреди лица. Как прокажённый. Или сифилитик.

— Или дельфин, — выдохнула Мальви, упираясь ладошками в поясницу и прислушиваясь к скрипу.

— Прикройся, — попросил Бур. — А то ведь...

— Вижу!

Мальви вздохнула.

— Потом опять косить?

— Отгрызу его сам, — пообещал Бур.

Мальви покрылась первоцветами. Бур протянул ей яблоко, созревшее на виске.

Змей тоскливо выл на совершенно неинтересном дереве.

Бликие контакты четвертого рода

Она – инопланетянка, я знал это с первого дня, как Зою перевели в наш класс. Из созвездия Ориона – она сама мне призналась.

Осенью я стал её подопытным. Ей позарез понадобился землянин для исследований.

В заснеженной хрущевке мы играли на приставке, лепили пластилиновых гуманоидов, разрисовывали обои. А еще она изучала анатомию землян – мое тело. И не спрашивайте, что за эксперименты то были. Зоя спешила, шептала мне – корабль уже летит за ней с Ориона.

Ее лечащий врач отпустил нас на море – успеть насладиться весной.

А в мае, когда цвели сады, Зоя улетела.

Ночами влажные глаза невольно ищут в небе Орион. Как она там?

Богоскоп

Я искал богоскоп всю жизнь. Когда я нашёл его, моё лицо стало похоже на опавший ноябрьский лист, а спина предсказывала дождь лучше любой метеостанции. Теперь-то я мог взглянуть на бога. Мне не терпелось задать ему самые важные вопросы:

– Как найти любовь, счастье, мир в душе?

Бог молчал.

Сначала я возмутился, потом разгневался и, наконец, взмолился:

– Бог, как же так?! Я потратил жизнь на то, чтобы найти тебя, почему ты отказываешь мне в такой малости?

И тогда передо мной появилось зеркало. В нём отражалось моё лицо, только кто-то стёр с него морщины и старческие пятна. А ещё я увидел разбитый богоскоп.

Будь бедой

– Будь мной, – попросила Марь.

Анжей подмигнул и сказал сипло:

– Мальчики, отдохнуть не хотите?

Туристы – один в полосатых носках, другой в оранжевом пальто – покачали головами.

– Спасибо, нет, – сказал один.

– Захочу засунуть хуй в говно, сам насру и засуну в тепленькое, – сказал второй.

Марь цокнула языком.

– Будь им, – указала она на второго.

Анжей моргнул, сморщился и вдруг ухватился за бок.

– Я бы погулял по льду, – сказал он тихо. – Ближе к апрелю.

Уходящий турист остановился, развернулся и сделал короткий жест.

Из горла Анжея плеснуло алым.

– Будь собой, – быстро сказала Марь.

– МН ФОВАΣΑΙ! – громыхнул Анжей, распахивая тысячу глаз, трепеща миллионом белоснежных перьев. – НЕ БОЙСЯ!

Вечное плавание

Цветущие яблони на фоне зелёных гор и чистого неба напоминали палитру «Зеркала». Она видела такое лишь однажды, в «Родине», на спецпоказе.

Ах, «Родина», сколь много противоречивых чувств! Сколь много рук, касающихся друг друга; страстно-обречённых поцелуев на фоне белого полотна, сверкающего яркими красками. Сколь много эйфории и печали, неизвестности и предрешённости годами проносится перед глазами зрителей...

В этих землях «Родины» нет. Вместо неё что-то схожее, порой даже говорящее на её языке. Принесённое такими же, как она. Спецпоказы для скорбящих, лекции по утраченному. «Зеркало» сменяется «Ностальгией», и наоборот. Вечное плавание, пока на горизонте вновь не появится «Родина». Или не потеряется навеки.

Вот такие помидоры

Серый никогда в меня не верил, хоть и говорил, что любит. Подумаешь, девчонка из села с помидорами. Но хоть шансы были мизерные, я решилась.

Помню град вопросов на собеседовании. Семья? Спорт? Сельхозакадемия? О чем мечтаю? Хочу ли детей? Помню их восторг, когда рассказывала про помидоры, как любила папину ферму, но всегда мечтала о большем. Гидропоника? Капельное орошение? Да, знаю, умею.

Серый встретил меня в парке – месте нашего первого свидания.

– Ну как прошло? Я же говорил – шансы нулевые!

И как ему удастся так заботливо унижать?

Молча показала ему письмо с гербом марсианской программы, уже чувствуя миллионы километров между нами.

– Я лечу.

Всё, к чему ты прикоснёшься...

– Чего тебе?

Карна отшатнулся, завертел головой. В святилище он по-прежнему был один.

– Я жду.

Пламя свечи у алтаря задёргалось, затрепетало.

– Я...

Он вспомнил их злобу и жадность. Ругань и побои за любую украденную мелочь. Шёпот и смешки за спиной. Вспомнил, как самую смешливую заманил в болото, и что с ним потом сделали.

– Достаточно. Всё, к чему ты прикоснёшься, принесёт людям либо счастье, либо беду. Выбирай.

Счастье, им?! Карна чуть не задохнулся от ненависти.

– Ты выбрал, – и голос пропал.

“Теперь вы за всё ответите...”, – бормотал Карна, пытаясь открыть намертво застрявшую дверь.

Позади занималось пламя от упавшей в сухую солому свечи.

Выбор

Она станет свободной. Только эта мысль поддерживала Рен. Она бежала третий день кряду, подгоняемая криками всадников на волках. Ноги еле несли Рен. Наконец, впереди, на краю плато, засияла колдовская завеса. Она получит свободу, о которой шептались старики.

Они еще помнили. Их дети уже нет. Смирились, свыклись с рабством. Рен другая. Она мечтала о свободе, бредила ей.

Рен на бегу разрезала ладонь, приложила к завесе. Та содрогнулась, пропуская беглянку...

Завеса осталась позади. Под ногами у Рен вырос крутой обрыв, внизу море точило острозубые камни. Рен окинула скалы отчаянным взглядом, а потом вдруг рассмеялась. «Я выбираю свободу» – крикнула она и шагнула вниз.

Девушка-беда

— Выходи за меня!

Принц внимательно следил за девушкой, стоящей на краю скалы. Немногочисленная свита держалась чуть поодаль.

— Нет, ваше высочество. Верность короне не позволяет ответить согласием. На мне проклятие. Для любого я стану источником бед и несчастий.

— Я развею злые чары!

Принц сделал шаг вперед.

— Только готовый потерять все и не обрести ничего, имеет шанс освободить меня!

Полсотни ударов сердца лишь ветер завывал печальные песни.

Затем принц развернулся и с недовольным видом зашагал вниз по тропе. Почти вся свита, кроме молодого десятника, молчаливо двинулась за ним.

— Ты прекрасна, — восхищенно выдохнул десятник, оставшись наедине с девушкой. — Будь моей бедой!

Держите крепче

Когда в кухню вломились, парень-спичка, длинный и рыжий, солил мясо. Он повернулся, и нож со стола вспорол его живот. Из раны выглянул мрак, сплюнул красным.

Смуглый гость мигом подхватил Спичку, зажимая рану. Тот выгнулся и стукнул спасителя коленом в лицо.

– Идиот одержимый! – просипел смуглый.

Его бледный напарник достал блокнот:

– Vade retro!

Спичка мотнул головой, будто сворачивал себе шею. Его вырвало мраком с желчью и кровью.

– Помогай идиотам, – сказал мрак.

Спичка ощерился, пытаясь укусить смуглого.

– Теперь ваша очередь его держать, – на свету мрак стал молочно-серым. Он скользнул к окну и исчез, на ходу оттолкнув нож, к которому уже тянулся распятый.

Для религиозных обрядов

Желание было настолько сильным, что она застонала. Отсутствие мужчины вместе со скукой доставляли молодой Фатхе мучение. Рассчитывать можно было только на себя. Фатха достала из потайного ящика кровати деревянную статуэтку, откинулась на подушки, закрыла глаза и, раздвинув бедра в стороны, осторожно направила игрушку в себя. Наслаждение накрыло с головой практически сразу. Чтобы не закричать, Фатха прикусила губу, но приглушённые стоны всё равно вырывались наружу.

Из прокушенной губы текла кровь.

– Предметы из этой части экспозиции пока не изучены. С некоторой уверенностью можно сказать лишь об этой фигурке. Скорее всего её использовали для исполнения религиозных обрядов...

Доброе утро, космос!

«Доброе утро, космос!» – задорный голос пронзает миллионы километров пустоты. Сейчас она поставит мне песню.

Нас познакомила релейная связь. Слово за слово – и ждешь ответа часами. Одинокие вахтовики Пояса астероидов. Радиопередачами она веселила весь сектор. Но песни ставила только мне. Эфирные шалости безнаказанны, когда буксирам лететь месяцы.

Однажды пришло сбивчивое сообщение.

«Не хотела жаловаться... Вчера баллон накрылся... Думала, обойдется, но... Буксир не успеет – попытаюсь вручную... Скафандр – дерьмо!.. Пожелай удачи...»

Помню свое бессилие за миллионы километров. Потом долгие часы ожидания.

Через сутки ее передатчик ожил.

«Доброе утро, космос!» И веселая песня. Для меня.

Потом снова и снова. Просто запись в мертвой пустоте.

Желанный подарок

Поезд загудел, лязгнул сцепками, тронулся в густую, сине-зелёную ночь. Желтые квадраты окон тянули свет по придорожным кустам, выхватывали и прятали кудлатого станционного пса.

- Из города, господин доктор? – спросил полицейский.
- Пациент, – коротко ответил Франтишек.
- Бог его накарает, господин доктор, – сказал полицейский, предлагая папиросу.
- Кого? – делано удивился Франтишек.
- Да критика этого, который пани Сельму обидел.

Франтишек представил жену. Сельма сидит на летней веранде, вдоль стен картины, замазанные валиком. На столе тарелка с засохшей яичницей, утренняя газета.

- Так даже лучше. Завтра о ней все заговорят.
- Ну, дай-то бог!

Франтишек поднял портфель. В нём тяжело перекаатилось что-то, вроде капустного кочана с очень толстой кочерыжкой.

Зима будет жаркой

Небеса уже наливаются оловом, тяжелеют. Воробьи всё больше по лужам кучкуются, греются — зима будет жаркой. Зима будет жаркой, а ноги уже не те: может быть, и не выиграю в этот раз.

Собираю эти дни полярную ягоду. Мелкая ещё, зелёная. Но иначе всё равно засохнет. Воробьи уже засыпают в тёплой жиже. Отрываю веточку, начинаю играть: ветка — меч, воробьи — драконы! Улетайте! Улетайте!

Улетайте с острова, глупые.

Люди вот умные, давно улетели. Больше не с кем играть на острове. Собираю полярную ягоду.

Закипают дымящие лужи. Кажется, начинается. Начинается старая игра. Ветка — меч, пол — это лава! Может быть, и не выиграю в этот раз.

И опа

– Пять золотых?

– Угу.

– Крэкс, пэкс, фэкс?

– Угу.

– И что, кто-то ведётся?

– Ну-у...

Обнесённое колючкой, перекопанное вдоль и поперёк – поле как поле. Только криво примотанная к забору табличка вещает о чудесных свойствах.

А в голове почему-то навязчиво крутятся мысли о новой курточке. И шапочке с помпоном. И букваре с картинками.

Да какой!

Парни из казино шутить не любят.

А три кредита? А ипотека? Ещё новую Приору бы.

И жена в Геленджик хотела...

Всего одна только ночь и... – опа!

Одобрительно позвякивая, золотые зубы покойной тёщи переселяются в мохнатую лапу сторожа.

Верка, конечно, крик подымет, как узнает. Но ведь одна ночь...

И опа.

Имя, которое ничего не значит

Ее звали Аутва.

Имя услышалось ее отцу в сновидении, длившемся четыре дня.

Отец позвал её, двигаясь в блаженной темноте женщины, нащупывая свою дочь сквозь завесу небытия, изливаясь горячей вязкой рекой, по которой Аутва смогла приплыть в мир.

Вскоре отец ушел – к новой женщине, новому сну, новому имени, новому ребенку.

На месяц в году мать позволяла отцу приезжать и жить с ними, делить её постель и есть приготовленную ею пищу. Также поступали и другие женщины отца, и за год он совершал полный оборот.

Из двенадцати детей Аутва была – сентябрь.

В этом сентябре она была последней из них, кто оставался в живых.

Конференция мертвецов

Я все думала, почему на время тревоги отменяют занятия. В убежища давно никто не спускается, половина класса вообще за границей, точно так же сидим дома, только без уроков. А потом мне сказали, что так нас берегут от психологической травмы. Если что-то случится в прямом эфире...

С тех пор я не могу выбросить это из головы. Моргаю и вижу стену, которая обрушивается на Диму. Дашу, в лицо которой впиваются осколки. Почерневший прямоугольник там, где только что улыбалась Таня. Вы же тоже слышали взрыв? Скажите, вы его слышали?

Вижу мертвую учительницу. Мертвый класс. Участвую в конференции мертвецов.

Конфликт интересов

– ...Он-то сам тощий, как жердь в панаме, с гитарой, а она пухленькая, маленькая — чисто булочка в сарафанчике. Окружили их, короче, всем семейством — такие, знаешь, хомяки-полурослики, галтели, уговаривали, с собой тянули и тут она как заорет: «Потому что мы громко трахаемся, мама! Соседи стучат по батареям, собаки воют, вызывают участкового и мчсников, вот почему!». Ну они все осели — и на него. Весь перрон молчит, а он тихо так, с выражением: «Вы не волнуйтесь, Наталья Семеновна. На самом деле мы трахаемся тихо и печально. Соседи рыдают, собаки скулят, приезжают на практику плакальщицы на катафалке». Короче, разъезжались они вроде на разных такси...

Лучшая

Она никогда ни о чем его не просила. В отличие от других. А когда он сам пытался ей что-нибудь подарить, была непреклонна. Шуба? «Смешно». Ужин в ресторане? «Не для таких, как я». Букет? «Мертвые растения? Боже! Убери!» Но она подпускала его к себе, и он касался ее невозможно гладких рук, проводил пальцами по невозможно гладким щекам, зная, что в благодарность получит улыбку. Одну и ту же, загадочную и прекрасную. Но предсказуемость его не пугала. Важнее было то, что он видел, вглядываясь в ее изящно выточенное лицо с изящно выточенным носиком. Искренность.

Она никогда, ни единого раза ему не врала.

Любовь

Я говорю ну давай он говорит ага и вставил короче я ему ай ты чо дурак а целовать он такой ну типа чмоки-чмоки я ему в ухо так фырфырфыр а он ты чо не прикольно я же ёжика трахаю а я ему ну ты чо вообще за трахаю это же любовь а он мне вообще фигня какая-то у меня настроение упало а я ему пива меньше пил бы и ничо бы не упало а он мне нутянах

натянул брюки пошел в подъезд и пачку там скурил а я сидела на кухне без трусов смеялась и говорила фырфырфыр.

Мид Дентро

И что теперь, спросила Лигра, утирая нос, нам придётся ездить в Бразиль, или в Ксанаду, или куда ещё, — за нормальными, металлическими пукалками? Да брось ты, Мид... За сколько минут путный контрабас выйдет на поставщика?

Ага, буркнул Мид Дентро, с непривычки неуклюже перезаряжаясь. Бук не внушал; но хоть не акация. Ага. Выйдет. Он прицелился в громадную пятнистую тыкву, плавно потянул спусковой крючок. Хлопок. В боку тыквы появилась аккуратная дырочка.

А что, сказала Лигра, вполне неплохо... Тыква взорвалась сотней тоненьких молодых побегов.

Пусть ищут, сказал Мид. Пусть бегают. Бег полезен.

Но на этой планете деревянной стала каждая долбанная игрушка.

Мой

Барби прострелили белокурую головёнку уже перед самым порогом — там ещё такой плетёный коврик, и пара щербатых пластмассовых горшков с геранью. За горшками укрылся от вражеского огня кот Сливиан, шерсть на спине дымится, глаза полоумные до жути; а что разноцветные — так это всегда такие.

Лицо у Барби вылетело, аж до самой двери, шлёпнулось с пригоревшим с изнанки чеком за электричество. И больше не командовало.

— ...Там мой человек! — деревянная пони уже неслась к крыльцу. Акции и квитанции, талоны и буклеты открыли жесточайший огонь, Кен зажмурился, видя, как летят от пони щепки. Только дерево — прочнее пластмассы.

И пони добежала.

Сегодня детство уцелело.

Не человек

— Ты убила её!

По лицу Эллис текли слёзы. Её печаль понятна. Но я знала, что так лучше, поэтому спокойно ответила:

— Избавилась. Пойми она лишь подобие человека. Понимаю, что она была рядом с тобой с самого детства, как я, но в ней никогда не было чувств, которые делают нас людьми. И ты тоже не любила её. Это просто привязанность.

Я протянула свою деревянную руку и погладила Эллис по щеке. Но та отдернула голову и крикнула мне в лицо:

— Пусть так, но она моя мать, чёртова ты кукла!

Я кукла, но, в отличие от её матери, могу любить.

Ночью у пруда

На берегу красиво. Ну, то есть днём так себе: дети и собаки, а ночью красиво. Ну, то есть город кругом, понятно, но их не видно, детей этих с собаками. А в марте даже и комаров нет. Когда облака - я домой иду, а когда звёзды, то к пруду непременно. Багет в пекарне беру

подсохший по дороге. Звёзды в нём отражаются и вроде как два неба, сверху и снизу. В пруду, конечно, не в багете.

Крошек в ладонь нажамкаю, да бросаю в воду. Бросаю-бросаю, пока не видят дети собачьи. Приплывают глупые рыбы карпы. Сначала они съедают крошки. Потом они съедают звёзды.

О пользе утилизаторов

Пятно прожектора плывёт по границе Гробового облака.

Говорят, с каждым годом их прибывает. Хотя мы перестали выбрасывать трупы. Трата ресурса. Но раньше религия и изжившие себя приличия сушили людям мозги.

Никто внутри облака не мёртв. Межпространственный сингулят движет их. Заставляет жаждать тепла.

Часть гробов открыта. Блестит лёд на нетленных телах. Чёрные клыки поглощают свет.

Динамики рубки порождают щелчки — песню кровожадных сирен.

Зов... обещание посмертия... единения с коллективом...

Единственно верная доктрина: сожри или будь сожран.

Моя рука тянется к рычагу аварийного запуска. Сейчас... я буду с вами, мои будущие немёртвые братья... я буду... не один... сейчас...

Но мы уже уплываем прочь.

Обрывок рабочего дня

Игорь как всегда проснулся взглянув на будильник и начал вскоре собираться на работу. Время гнало его вперед со скоростью ветра, не щадя больных коленей молодого человека. Быстро выпив кофе по дороге в ставший уже родным офис Игорь наконец добрался до своей цели. День вновь пролетел как вихрь, не оставив никаких либо воспоминаний о себе. Дико уставший мужчина побрел домой, смотря как обычно в пол, и не смотря на разжившиеся краски природы что взывали его, но безуспешно. Когда Игорь зашел в свое пристанище он сразу уснул. Игорь как всегда проснулся взглянув на будильник и начал вскоре собираться на работу.

Он, пёс и кошка

Война катилась к городу. Всё чаще слышались отдалённые глухие взрывы, рокотом идущей из-за горизонта грозы. Он знал, что там – в оке бури – всё рвалось и горело: камень и плоть. Многоголосье проклятий, жалоб, мольб, молитв несло в небо, откуда и сеяла смерть железные зёрна.

Вот ударило ближе. Дрогнули оконные стёкла.

Лежавший у ног пёс резко вскинул голову и заскулил.

– Успокойся, парень, – сказал он псу. Это просто гроза. Переживём. Я буду рядом.

Пёс ловил мохнатыми ушами уверенный, тихий голос своего бога и успокоившись, доверчиво опустил тяжёлую голову на усталые лапы.

Только кошка презрительно дёрнула ухом. Потомок Бастет знала, как пусты обещания богов.

Отдай моё

Малышку Авдотью хоронили на закате. Аринка уже спала под властью сон-травы, обнимая двух кукол. Точно таких же кукол мать завернула в саван Авдотьи. Таких, да не таких.

Как родились близняшки, отец вырезал из дерева куколок, держащихся за руки. Сёстры играли ими по очереди, бывало, дрались из-за них, но вскоре мирились.

В третью зиму Авдотья занемогла. Волхв сказал надежды нет, боги ждут её со всем добром. Аринка чуть от падучей не сгнула, когда мать захотела разделить кукол. Девочку утихомирили, отец вырезал похожих и отдал жене для похорон.

Три ночи потом Аринка кричала во сне, а на четвертую пропала. Вместе с куклами.

Первый контакт

Дыра в иную Вселенную оказалась бесполезной. После сотен лет дискуссий и отчаянного сокращения бюджета, Дыру убрали в куб, прикрыли титановой дверью, а ключи выдали лаборанту.

Конечно, возле Дыры дежурил охранник. С копией ключей.

Роберт работал из капсулы. ИИ транслировал картинки в Робертовы фасеточные глаза, популярные среди охранников. Роберту оставался день до отпуска и пара минут до конца смены, можете себе представить, как он был доволен.

Раздался стук.

Дыра.

В дверь стучали из Дыры.

Время... смена кончилась! Охранник выдохнул.

– Что же, – сказал он, вставая из капсулы. – Завтра приболею, пусть следующая вахта разбирается.

Роберт запустил протокол очистки куба и ушёл.

Перед рассветом

Под окном телега закрипела, я подскочила спросонья, а Ивась уже за столом сидел, глаза блестели, будто и не спал.

– Не реви, – сказал тоскливо. – Далек не повезут. Найдешь, вырежешь...

Поднял руку, нащупал в основании черепа корешок импланта, поморщился.

– Не реви. Мы ведь знали, что придут. Гражданские заварухи мелют неотвратимо. Лишь бы не в затылок... Ну да брошусь, им придется в грудь стрелять...

В дверь заколотили. Ивась поднялся, почти не дрожа, шагнул.

– Не реви, долечка, радость моя. Не навсегда. Жаль, человеком тебя не обниму больше. Сама решай, кем я тебе... после пригожусь. Конём, псом? Надрез поглубже делай. Себя береги.

И открыл дверь.

Прибытие

Наконец-то! Миллионы лет ожидания планеты подошли к концу. Инверсионный след звездолёта, прочертивший небо, выглядел, как порог, переступив который, я смогу стать по

настоящему свободным. Они выходят. Такие слабые. Даже не надели скафандры. И сейчас тысячи моих спор оседают у них в лёгких. Скоро они станут частью меня.

Что-то не так. Почему они расходятся от корабля? Они не разговаривают, не изучают местность, просто расходятся. Да, и где сам корабль? Нет! Я понял это слишком поздно. Кусочки существа, принявшие форму людей, взрываются, раскидывая вокруг семена, пожирающие меня. Взлетевший корабль так же взрывается в воздухе тысячами семян.

Губитель планет прибыл.

Приз

В цифровой гостинице есть вещь, которой я ностальгически дорожу. Из времён, когда тело было привычным. А с телом можно было проделывать весёлые вещи.

Приз прекрасен, он повторяет инструмент игры в идеальных анатомических подробностях. Я так хорошо помню её, что и теперешняя моя, сотканная из кодов, оболочка содрогается сладко.

Иные считали игру вульгарной, неприличной, бесстыжей; какие оскорбления они отпускали в наш адрес, жалкие асексуальные ханжи. Что им было знать о влажных судорогах победы, конкуренции с подругами, изнурительных тренировках внутренних мышц?

Это было больше, чем игра. На короткий миг перед сошествием человечества в виртуальность она стала образом жизни.

Она стала нашим прощанием.

Продавцы света

В час, когда Тьма заполняет переулки Нижнего Города. Когда дозорные гремят амуницией, готовя ночную вахту. Когда инвалиды Пелагианских войн осаждают таверны, требуя опохмела. Когда бездомные капибары чавкают грибами в канавах. Когда слепые от кротовой оспы беженцы Пещер вымаливают пропитание...

«Продавцы! Продавцы едут!» – вопят детишки из-под крыш.

Вереницы огней спускаются Бургомистерским трактом. Залитые светом повозки стучат по мостовой, разгоняя сумрак. К ним скользят тени горожан. Закипает торговля. Уличный сорванец выхватывает без очереди. Фиал разбивается – и Жидкий Огонь струится по булыжникам.

Скоро снова взвоят сирены, скоро чудища Верхнего Мира наводнят черное небо. Но, прячась, горожане утащат в свои норы пригоршни благословенного света.

Резьба по дереву

— Деда! А меня научишь игрушечки вырезать?

Конопатая девчужка выглянула из-под стола, дёрнув старика за рубаху. Тот распрямился, отложил резец и, нахмурившись, смахнул стружку на пол.

— Мала ещё. Иди, веник возьми да приберись.

Девчужка, так похожая на сгинувшую в городе мать, надулась, но пошла в сени, искоса разглядывая развешанных по стенам куколок. Красивые все — загляденье! Будто живые, ждут ярмарки крохотные купцы да служивые.

Вздохнув, старик отвернулся, прислушался: вдалеке коротко вскрикнули. Через мгновение чурочка-заготовка в его руке потеплела и превратилась под мозолистыми пальцами

в жилистую фигурку очередного проходимца. Знать, ловушка сработала. Придавила незваного гостя тяжёлыми лапами, утянула под землю прикормленная ель.

Самая трудная зима

Они благодарят и пожимают мне руку.

– Вы очень помогли, – говорят они. – Перенестись на полгода назад – пусть только сознанием, не физически – это невероятно. Мы сумеем не допустить ошибок, мы подготовимся ко всему, что планирует противник, и закончим эту войну гораздо раньше. Кто знает, вдруг к марту каждый из нас будет жить на мирной земле?

Только один замечает мое состояние:

– Послушайте... Если бы можно было оставить вас там...

Он замолкает.

Сейчас сентябрь. Погода чудесная, и по всем каналам пишут только про скорое освобождение Херсона. Мало кто заикается про «самую трудную зиму». Но уже начинают.

Я заказываю пауэрбанк. Зарядную станцию. Десяток фонариков.

Свисточки

— Тот самый Зов? — спросил Эгиль, вполглаза следя за выжженной просекой. Отряд двигался параллельно, не углубляясь в чащобу, но и не в открытую.

Рагнар коснулся грабового свистка и усмехнулся. Медленно кивнул.

— И если в него подуть, этот деревянный исполин снова придёт на помощь? Это волшба?

— Это костяшка пальца того исполина, — ответил Рагнар. — И капелька волшбы.

Впереди показались разведчики, стремительно несущиеся вдоль края просеки. Зола и пепел вились тёмными хвостами за низкорослыми северянскими лошадками.

— Ну... тогда я спокоен. Если мы можем позвать...

— Не сегодня, — сказал Рагнар, потирая левый мизинец, лишённый ногтевой фаланги.

— Не сегодня.

Оглянулся на отряд:

— Сегодня на свист спешим мы.

Сеть

Оно-то да, две берёзовые доски; но, если в глухую полночь прийти с таким компьютером к осине, что на опушке, и привязать верёвочкой к ветке, и сказать: логин емеля пуроль шшука, и жмакнуть сучок махонькой... тогда будет доступ в Сеть.

Ну, Егора кто ж слушает? Он же ж блажной, Егор-то. Выдумывает чего-т. Компьютеры, всем известно, вон на облаках живут, никого не трогают, кто дурь не думает. Сети — они у каждого во дворе есть, но на кой в них достигаться, ежели не рыба?

А ведь пошёл я. Сделал сказанное. Смотрю: светится доска-то компьютера!

А на доске — слова: «Шо, и вы допрыгались? Поздравляю!»

Сообщение, набранное на экране разряжающегося смартфона единственным оставшимся пальцем

1 наташке передайте чтоб простила, я не то имел в виду и кроме нее никого – ну да она знает. Пусть она дальше живет и любит на полную только хуи фильтрует и меня помнит

2 наш зелененький товарищ алиен правду матку просемафорил и тарелочка действительно активировала режим атомного самоуничтожения но я нормально пролез и все правильно нажал хотя больно пиздец

3 скажите наташке что если можно будет я ее там подожду а нет так нет

4 за мамой тоже присмотрите ну там др и праздники чтоб не одна еще она хризантемы любит

6 всё мигает бля не вижу уже экран темн

Срамный уд

Нимф притопал под утро. Был слегка подкопченный, на взводе, алые радужки, зелёные белки. Позвал деда. В ожидании притопывал по снегу. Видок, конечно, ошалелый у него; Пушок чуть цепь не порвал, так нимф топнул ножкой, с-под земли корень выскочил и Пушку под пузень!

Сразу стало тихо, шо капец. Ну, пока дед не вышел.

— Ты охренел?! — недобро поздоровался нимф.

— И тебе привет, — деду почти сто, плевал он на гнев духа природы.

— Срамные уды из осины девкам на потеху резал ты?!

Дед развёл руками: а кто ж, мол?

— Иди назад забирай!

Дед: с чего бы?

— Мне зимой спать положено! А я!.. А они!

Счастье в мелочах

Он лежал на земле. Кольшущаяся на ветру мягкая зелёная трава нежно щекотала лицо. Солнце стояло высоко и приятно грело, напоминая беззаботные детские годы, проведённые в деревне. Он думал о девушке. Нужно позвонить.

– Привет, счастье моё – слышалось на том конце провода.

– Лу, мы больше не можем быть вместе. Прости.

Молчание.

– Она все-таки пришла?.. – слёзы.

– Нет. Я сам... Не смог иначе.

Он положил трубку. Не умел долго прощаться. Сильно щемило в груди.

“Это ты моё счастье, Лу, – подумал он. – А я буду твоей бедой. И победой. “

В метре от него разорвался ещё один снаряд.

Тихая песня без слов

Седые усы прикрывают сигару. Дымовая лента слегка качается под шляпой, прежде чем раствориться в прериях. Билли мурлычет про себя мелодию банжо, что он услышал в Додж-Сити. Его усталый скакун мерно шагает в такт напева. Их тихой песне явно не хватает слов. Глаза Билли закрыты. Билли едет домой.

Солнце валится за горизонт. Где-то рядом бежит голодный койот. Он не рискнёт подойти, ведь он чувствует опасность от человека. От револьвера ещё тянет жжённым порохом.

Теннесси́йский скакун идёт тяжело. На его крупе висит человек с вытянутой рукой. По песку тянется след от банжо. Билли не понимает шуток. Билли едет домой.

Торг уместен

Глаза из-под очков смотрели на Анечку скептически, пока она молча трогала стакан с водой, принесенный заботливым официантом, и так и не решалась отпить под взглядом собеседника.

– Думаете, обида ваша чего-то стоит? – наконец спросил он.

– Так она старая, – быстро сказала Анечка, – школьная. До сих пор болит.

– В двадцатку выйдет. Обиды – товарчик мелкий.

– Устроит, – сказала Анечка. Подумала – развелось торгашей, вот и демпинг начинается.

Вот же времена.

Собеседник обмакнул крутон в супчик и добавил:

– Если нужно, советую продавать редкости. Вот любовь к родине, например...

– Не получится, – сказала Анечка.

И они вместе помолчали.

Хронодиворгиум

Липкая ползучая тьма кусает шероховатый рассвет. В объятых палатки щекотно и сыро. Хочется выbleвать себе за шиворот. Скафандр заело. И мысли тоже заело... на НЕЙ. Не думай о разбегающихся в сторону скользких тенях. Это не призраки. Тебя не достанет их ядовитая пена. Ты же в палатке, в конце концов. Главное перетерпеть и дожидаться. Секундная стрелка мучительно ползёт назад, но ты почти справился. ОНА бы гордилась тобой. В ногах уже чувствуется электрический ток. Всё-таки зря ты не пошёл тогда с ней. Скафандр трескается и мягкая тьма больно кутает тело. Уже можно выbleвать. Только три слова: я бульон расставаний.

Экспонат #1.

Когда маленький Томас сильно болел, мама подарила ему игрушку – лошадку, которую она сама вырезала из дерева. Это было лучшее лекарство для него. Томас смотрел на нее каждый день и играл с ней, когда чувствовал себя лучше. Когда мальчик поправился, он стал коллекционировать похожие деревянные поделки: каждая из них была связана с чем-то личным для него. К восьмидесяти годам у него накопилась целая выставка на чердаке. Но однажды его дом охватил пожар и все игрушки сгорели. Несмотря на потерю, престарелый Томас понял, что важны не сами игрушки, а воспоминания, связанные с ними. Так и появилась идея создать этот музей.

Эстафета

В саду завелись карлики. Грибница росла, росла и лопнула, и они посыпались из-под земли, злобные и одинаковые.

На головах — грибные наросты, осклизлые, серо-зелёные «шляпы». Чёрные глаза на ножках. Хватают упругими передними отростками всё и тащат вниз, на прокорм грибнице, на

переработку в питательную массу, на фабрики быстрого синтеза. Ловкие, наглые — единые в своём коллективном разуме.

Все знают, есть лишь один способ бороться с паразитами: забить в их нору фейерверки и поджечь.

О, как карлики летели, рассыпались миллионами искр — это мерцали в свете цветных взрывов их споры.

Разлетаясь и покрывая всё-всё.

Проникая под кожу.

В кровь.

И в мой разум.

Я тебе пригожусь

Жрать хотелось невероятно, но в этих лесах не водилось ничего, что он мог бы есть.

В былые времена приключилось с ним слишком много непростых бед, и ему пришлось привыкнуть к особой пище. Иван стоял на берегу тёмной ледяной реки, вдыхая запах тины, и не мог заставить себя вонзить нож в огромное рыбье тело, что билось в иле.

— Отпусти меня, Иван-царевич, — молвила щука человеческим голосом, — я тебе пригожусь!

Ну хоть так, подумал Иван, втыкая лезвие. Он давно стал людоедом, и то, что говорило человеческим голосом, ему куда легче было употребить.